

Раздался оглушительный гул. Переkreщивающиеся световые лучи погасли, и рабочую зону залило резким, ослепительно-белым сиянием.

— &*(&! — надзиратель-инопланетянин яростно залаял, выкрикивая команды.

Хань Цзин не понимал ни слова. Держась сразу за Рианом, он наблюдал, как автоматическая лента бесконечным потоком уносит вперед прозрачные капсулы с русалками. Пленницы все еще спали; их изящные тела и длинные мягкие волосы мерно колыхались в прозрачной воде.

На самом краю конвейера высились Звёздные врата — упрощенная версия, лишенная привычных выступающих шевронов и загадочных атлантйских символов. Идеально круглый серебристо-серый монолит с лаконичным обтекаемым контуром дышал изнутри: пустота внутри кольца бурлила густой, похожей на закипающую морскую воду синевой.

Капсулы одна за другой исчезали в этом мареве. Настал черед Риана — он шагнул в сияющий круг вместе с остальными.

Куда их забросит теперь?

Мысль едва успела оформиться, как идущий следом невольник грубо толкнул Хань Цзина в спину, заставляя переступить черту.

Вспыхнул ослепительный лазурный свет. Не успев даже почувствовать привычного удушающего давления, Хань Цзин очутился по другую сторону перехода. Перед ним раскинулась невероятная картина: небосвод тонул в фиолетовой дымке, похожей на плотный горный туман, а в глубокой бездне космоса сияли две безупречно круглые, чистые луны. Их серебряное свечение дробилось и искрилось на зеркальной глади бескрайнего океана, уходящего за горизонт.

Там, где вода сходилась с небом, высился призрачный город — колоссальный, парящий над волнами мираж. Его окружали причудливые острова, залитые неоновым светом. Они расходились от центра, словно гигантские лепестки невиданного цветка, обнимающие пылающую сердцевину. Сам Хань Цзин стоял на краю одного из таких «лепестков», глядя на переливающееся всеми цветами радуги хрустальное чудо вдаль.

Но по-настоящему его заворожило другое: высоко над этим парящим городом горело величественное золотое зарево. На фоне бледных лун оно казалось нереальным — огромная, парящая в облаках цитадель.

Сквозь туманную дымку проступали очертания резных крыш и изящных колоннад, удивительно похожих на чертоги богов из древнекитайских легенд.

Откуда здесь это?

Хань Цзин в замешательстве нахмурился. Оцепенение рассеялось, лишь когда Риан осторожно толкнул его в бок.

— &^*#... — едва слышно прошептал Риан, незаметно указав глазами на приближающихся сзади надзирателей.

Хань Цзин поспешно опустил голову. Переждав, пока чужаки пройдут мимо, он тихо шепнул:

— Спасибо, Риан.

Пусть они и не понимали языков друг друга, за эти полдня Хань Цзин успел убедиться, что его товарищ по несчастью настроен дружелюбно — тот уже не раз выручал его безмолвными подсказками. При этом Риан панически боялся здешних хозяев. При каждом их приближении он сжимался и принимал настолько покорный вид, словно был каторжником перед свирепым палачом.

Если Хань Цзин хотел выжить в этом аду, ему требовалось стать невидимкой: не совершать ошибок, не привлекать внимания и в точности копировать каждое движение своего проводника.

Склонив голову, Хань Цзин двигался в общей колонне, исподтишка осматриваясь по сторонам. Никаких колоссальных звездолетов поблизости не было — похоже, они находились в транзитном распределителе. Поодаль тянулись бесконечные конвейерные ленты, перевозившие горизонтальные герметичные капсулы. Выжившие русалки представляли огромную ценность: их контейнеры были заключены в защитные титановые каркасы, и при переходе через очередные ворота каждую капсулу бережно направляли несколько слуг.

Помимо тех Врат, через которые они только что прошли, впереди выстроилась анфилада еще из шести порталов. Тот, через который транспортировали русалок, уже функционировал. Портал прямо перед группой Хань Цзина тоже начал наливаться мягким лазурным светом.

Глядя на знакомое лазурное мерцание, Хань Цзин ощутил горькую иронию. Человечество лишь делало первые, робкие шаги в освоении межзвездных переходов, в то время как эта высокоразвитая цивилизация превратила Звёздные врата в обыденный общественный транспорт, мало отличающийся от поездов или метро. Но именно это технологическое превосходство и ввергало в глухое отчаяние. Когда колоссальные космические расстояния сжимаются до секундного перехода, потерянные товарищи оказываются бесконечно далеко. Шансы найти их в этой бескрайней вселенной таяли с каждой секундой.

Новый шаг в синеву портала — и очередные Врата выбросили их прямо в пучину.

Хань Цзин не знал наверняка, была ли это настоящая водная бездна, но вокруг раскинулся бескрайний темно-синий мир. Судя по всему, они оказались в подводном мегаполисе, удивительно похожем на Базу № 9. Прижавшись лицом к холодной прозрачной стене

панорамной галереи с обзором в сто восемьдесят градусов, он заворожено смотрел вверх. Далеко над ними смыкался переливающийся неоновыми огнями купол — необъятный, ослепительный, превращающий толщу воды в праздничный калейдоскоп.

— *(&##... — Риан мягко коснулся его плеча. В его взгляде впервые промелькнуло подобие облегчения.

Хань Цзин огляделся. Пространство за порталом представляло собой колоссальный амфитеатр. Словно ступени гигантской спирали, жилые ярусы уходили вверх этаж за этажом — величественная конструкция высотой не менее двадцати этажей. На галереях повсюду виднелись невольники. Все они были одеты одинаково: простые, почти нищенские туники песчаного цвета без каких-либо украшений, с единственным клеймом-символом на груди.

В этом изолированном секторе не было надзирателей.

И все же ощущение было такое, словно их, облаченных в робы, заперли в неприступной тюрьме без единой надежды на побег.

Хань Цзин изучал взглядом этот овальный металлический улей. Каждый ярус напоминал бесконечный гостиничный коридор, где через равные промежутки темнели глухие стальные двери — тесные ячейки, забитые живым товаром.

Он последовал за Рианом к круглой подсвеченной платформе. Стоило им наступить на нее, как сверху упал плотный луч света, и в то же мгновение они оказались на верхних ярусах. Оставшиеся внизу невольники теперь казались крошечными, величиной с муравьев.

— Ох... — Хань Цзин невольно затаил дыхание от неожиданности и лишь спустя пару секунд поспешил за своим спутником.

Жилой отсек Риана располагался в передней части полукруглого коридора. На металлической двери темнела сенсорная панель, по которой бежали строчки незнакомых символов.

Один из знаков в точности повторял клеймо на груди Риана, а другой... его собственный!

Хань Цзин опустил взгляд на свою тунику, затем снова посмотрел на светящуюся панель — совпадение было абсолютным.

«Регистрация прибытия? Но почему на двери Риана горит так много строк?» — подметил Хань Цзин. На соседних дверях светилось от силы по две строчки, тогда как здесь их было целых шесть.

Он хотел было спросить об этом товарища, но вовремя заметил, как тот резко переменялся в лице. В глазах Риана застыла тревога.

В этот момент тонкий лазерный луч скользнул по их лицам. Дверь бесшумно отъехала в сторону, и Риан, покорно склонив голову, шагнул внутрь.

Комната площадью от силы в тридцать квадратных метров казалась тесной — две жесткие койки занимали почти все свободное место. Но Хань Цзина беспокоила не скудость обстановки, а состояние Риана.

С самого момента возвращения тот выглядел чернее тучи. Он стоял посреди комнаты, уставившись в пол, расчерченный концентрическими кругами, прямо у самого центра этой геометрической мишени.

— Риан?

Тишина.

— Риан, что происходит? — Хань Цзин всматривался в его застывший профиль, чувствуя, как внутри нарастает паника.

Наконец Риан повернул голову. На его лице отразилось глубокое сочувствие. Он тихо произнес незнакомое слово:

— &^*# Тань...

И тут же повторил, словно пытаясь вложить в этот звук особый смысл:

— &^*# Тань...

— Тань? — у Хань Цзина тревожно екнуло сердце.

— &^*# Тань, — Риан кивнул, выделяя интонацией это слово, после чего указал пальцем прямо на него. — Тань... Хань... Цзин...

«Тань». Конечно, он помнил это слово. Он не знал его точного значения, но в памяти тут же ожили унижительные секунды, когда чужак безжалостно сдавил его горло железной хваткой. Ощущение собственного бессилия до сих пор леденило кровь.

Вдруг потолок над ними бесшумно разошелся, и две массивные световые колонны обрушились вниз, заливая комнату слепящим неоном.

— &*(&! Натурс *#&, — проскрежетал бесстрастный механический голос.

И снова:

— &*(&! Наторс *#&.

Сквозь столпы света прямо в центр концентрических кругов опустились два комплекта одежды. Один — нежно-зеленый, цвета молодого бамбука, другой — вызывающе алый, цвета цветущей бегонии. К алому наряду прилагался тяжелый, отливающий золотом обруч.

Световые лучи не погасли. Они продолжали бить из потолка, пульсируя, точно горные ручьи, низвергающиеся в ущелье. На искрящихся гранях световых колонн проступили голографические символы.

Один из них в точности повторял клеймо на груди Хань Цзина.

Хань Цзин ошеломленно замер, глядя на бамбуковое одеяние. Что все это значит?

Ответ пришел мгновенно. Клеймо на его груди вспыхнуло невыносимо ярким светом. Глаза обожгло белизной, а когда Хань Цзин смог их открыть, реальность вокруг полностью изменилась.

Он оказался в абсолютно изолированном, тесном металлическом боксе. РIAN бесследно исчез.

Не успел он сделать и вдоха, как все тело обожгло дикой болью. Хань Цзин инстинктивно вскинул руки, закрывая лицо от хлынувших отовсюду струй кипятка. Высоконапорная автоматика была безжалостно, словно пожарный брандспойт. Его прежняя туника растворилась без следа — он остался абсолютно голым, распятым в центре стерильной капсулы, где его телом распоряжался холодный алгоритм.

Ледяной душ, удушливая химическая пена, снова обжигающий поток, опять мыльный раствор...

Процедура повторялась по кругу с методичной, механической жестокостью. Когда Хань Цзин, доведенный до иступления этим издевательством, сорвал голос в яростном крике, потоки воды наконец иссякли. Металлические стены бокса залил резкий свет. Сверху хлынул плотный поток горячего воздуха, обдувая и высушивая мокрое тело.

Все заняло не более трех минут. С ним обошлись как со скотом на бойне — вымыли до скрипа, вычистили поры под высоким давлением, оставив кожу неестественно бледной, гладкой и чувствительной к малейшему дуновению ветра.

Перед ним в воздухе снова повисла бамбуковая туника.

Ему приказывали одеться. Щеки Хань Цзина полыхнули от гнева, он упрямо сжал кулаки, отказываясь прикоснуться к тряпке, но автоматика бокса не знала пощады. Створки бокса разъехались, и он, совершенно обнаженный, оказался выставлен напоказ под переливы цветных огней. В нос ударил приторный, удушающий аромат благовоний.

Прямо перед ним стоял один из хозяев этого мира, облаченный в роскошное одеяние, напоминающее римскую тогу. Чужак медленно повернул голову, окинув его презрительным, леденящим взглядом.

Хань Цзин вздрогнул. Не от страха перед высокомерным существом, а от дикого, парализующего стыда за свою наготу.

«Ублюдки... Что за извращенный мир!» — мысленно выругался он, судорожно хватая висящую одежду.

Он торопливо натянул тунику. Стоило ткани коснуться тела, как сработал скрытый механизм: воротник натянулся, заставив вещь сесть точно по фигуре, но весьма специфическим образом. Тонкие лямки сползли с плеч, полностью обнажая ключицы, а пояс плотно обхватил талию. Шелковистая, полупрозрачная ткань струилась по телу, подчеркивая каждый изгиб его стройного силуэта.

Хань Цзин замер, боясь пошевелиться. Короткое, едва достигающее до колен одеяние не предполагало абсолютно никакого белья. Ощущение ледяной пустоты внизу заставило его окончательно потерять самообладание. Но худшее ждало впереди: от правого подола тянулась тонкая золотая цепочка, крепившаяся ко второму концу — глухому металлическому браслету, намертво защелкнувшемуся на его правой щиколотке.

Это было клеймо раба, ограничивающее длину каждого шага.

— &* Наторс *#&, — холодно скомандовал надзиратель.

По обе стороны длинного коридора открывались десятки таких же боксов. Из них один за другим выходили невольники в точно таких же бамбуково-зеленых нарядах.

Пересиливая себя, Хань Цзин пошел вперед, затерявшись в толпе таких же пленников. Все они обладали на редкость утонченной, благородной внешностью, но под окриками надзирателей держались жалко и покорно. На их лицах не читалось ни тени протеста — лишь глухое, безжизненное смирение. В этой монотонной зеленой массе выделялось несколько ярко-алых фигур. Одной из них был Риан.

Его тонкие, правильные черты лица и мягкий взгляд теперь казались еще более беззащитными в обрамлении кричащего шелка. На его шее туго затянулся тяжелый золотой ошейник. Отражая свет ламп, металл отбрасывал на бледную кожу Риана теплое, призрачное сияние.

«Риан...» — в душе Хань Цзина шевельнулась острая, бессильная жалость. На долю секунды ему удалось поймать взгляд товарища, в глубине которого плескалась затаенная, невыразимая мука.

Их вывели в огромную, залитую радужным неоном залу. Здесь проходило грандиозное пиршество. Хозяева жизни — майянцы в расшитых золотом тогах и сверкающих перстнях — вальяжно возлежали на ложах. Их громкий, развязный хохот тонул в клубах тяжелого парфюма. Хищные, оценивающие взгляды чужаков беззастенчиво скользили по рядам рабской колонны.

Под ногами лежал мягкий, ворсистый ковер, приглушающий шаги. Мерцающие огни ламп окрашивали панораму глубин океана за стеклом в нереальные, фантастические цвета.

Хань Цзин похолодел. Взгляд его наткнулся на Тань — вельможу с жуткими двойными зрачками, который с ленивым, плотоядным интересом разглядывал прибывших невольников.

Кулаки Хань Цзина сжались так, что побелели костяшки пальцев. Он видел, как пленников одного за другим сгоняли на сверкающие круглые подиумы в центре зала. Несчастных заставляли принимать унижительные, откровенные позы на потеху публике. Собравшиеся майянцы переговаривались, отпускали сальные шутки и обменивались заговорщическими ухмылками, оценивая «живые игрушки».

Сладострастные взгляды, ощупывающие его со всех сторон, жгли спину почище раскаленного железа. Хань Цзина душила ярость, но избежать общей участи не удалось: конвой грубо вытолкнул его на залитую светом сцену. Ступив на золотистую платформу, он моментально осознал весь ужас их положения. Металлическое кольцо на щиколотке разрядилось болезненным электрическим импульсом, и невидимые силовые линии заставили его тело двигаться вопреки воле. Он превратился в безвольного деревянного паяца, послушно принимающего постыдные, вызывающие позы.

Хань Цзин отчаянно сопротивлялся каждой мышцей, но его усилия были тщетны. Тело мелко дрожало от физического перенапряжения и жгучего стыда, а в глазах полыхала дикая, бессильная злоба. Впрочем, этого никто не замечал. Под слепящими лучами софитов на золоченом подиуме его гнев оставался невидим. Для изнеженных майянцев наторсы были лишь бесправным, грязным скотом.

Хань Цзин был красив, но его глубокие черные глаза и темные волосы совершенно не вписывались в каноны красоты мира Идо. К тому же из-за многолетнего ношения очков разрез его глаз казался местным эстетам слегка несовершенным. Требовательные и капризные майянцы быстро потеряли к нему интерес, и его вскоре списали со счетов.

Когда его наконец прогнали со сцены, ноги налились свинцом. Хань Цзин шел, низко опустив голову, чувствуя, как сквозняк овеивает его обнаженное под туникой тело. Стыд и беззащитность выворачивали душу наизнанку.

В этот момент, если бы ему предложили обычное белье, он, не задумываясь, отдал бы десять лет жизни.

Каждый шаг давался с трудом. Он чувствовал себя дичью в окружении голодных хищников. Любое прикосновение чужого вождедеющего взгляда вызывало у него глухой приступ тошноты.

За ними непрерывно следили. Кольцо на щиколотке то и дело коротко вибрировало, предупреждая о контроле.

Но мысль о побеге не покидала его ни на мгновение. Когда их повели через полутемные коридоры в глубине залы, откуда доносились приглушенные, двусмысленные звуки, Хань Цзин решился. Наплевав на последствия, он резко метнулся в сторону бокового ответвления.

Уйти удалось лишь на пару шагов. Правая нога взорвалась невыносимой, режущей болью — мощный разряд тока прошёл тело до самого позвоночника. Хань Цзин со стоном рухнул на колени, судорожно сжимая покалеченную лодыжку.

— &*# Тань, Наторс! — раздался над ухом хриплый окрик.

В лицо Хань Цзина прилетел хлесткий, жестокий удар. Надзиратель с двойными зрачками смотрел на него сверху вниз холодными, как у рептилии, глазами.

Хань Цзин до крови закусил губу, пряча ярость в глубине потемневших глаз. Чьи-то чужие ладони мягко подхватили его под локти, помогая подняться.

Он удивленно обернулся. Рядом стоял такой же пленник в бамбуковой тунике. Лицо парня показалось незнакомым — Хань Цзин определенно не видел его раньше.

— &^*#, Тань, — тихо шепнул невольник. На его бледном лице застыла маска обреченной покорности.

Опять это слово! «Тань»! Что оно, черт возьми, означает?!

Коридор тянулся бесконечно. Воздух здесь был пропитан приторным цветочным дурманом, а из-за полуприкрытых арочных дверей доносились характерные звуки: шорох шелка, тяжелое дыхание, тихие стоны и приглушенный плач. Хань Цзина затрясло от осознания происходящего. Он слишком хорошо знал эти звуки — когда-то они сопровождали их страстные ночи с Морисом, полные нежности и обоюдного желания.

Но теперь то, что раньше приносило ему чистейшее блаженство, душило его, словно ядовитая петля на шее.

Его грубо толкнули в одну из дверей. Не успев удержать равновесие, Хань Цзин застыл на пороге, ошеломленный увиденным.

В комнате был Риан.

Алое, как лепестки бегонии, платье было разорвано пополам, обнажая его хрупкое тело. Риан лежал на растерзанной постели со связанными, широко разведенными ногами. Услышав шум, он повернул голову, и его заплаканное лицо застыло, когда их взгляды с Хань Цзином встретились.

<http://bllate.org/book/19677/2006442>